

Петр Северцев

Хакер и коллекционер

Петр Северцев
Хакер и коллекционер
Серия «Хакер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167955

Аннотация

Повесть из сериала «Хакер»

Есть над чем поломать голову частному детективу Валерию Марееву – уж больно мудреное дело подвернулось. Есть над чем поломать и свою электронную голову Приятелю-пентиуму.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

ПЕТР СЕВЕРЦЕВ ХАКЕР И КОЛЛЕКЦИОНЕР

ГЛАВА 1

Клиент застал меня буквально в дверях. Я всегда довольно долго верчусь у выхода, покидая дом: замок у меня довольно хитрый, и даже мне приходится тратить время, чтобы открыть дверь. С одной стороны это неудобно: нельзя будет быстро выбежать из квартиры, например, в случае пожара или неожиданного визита грабителей. Зато этим самым грабителям, даже весьма опытным и умелым, придется долго возиться в подъезде, ковыряясь над замком. И тогда любая даже не самая бдительная бабуля, коих в старой «хрущобе» на Майской улице, где обитаю я и Приятель, проживает изрядное количество, заподозрит неладное: а чегой-то, мол, этот субъект, так долго не может дверь открыть? Неужто ключики потерял?

Ай-яй-яй! Ну, ничего, может, с милицией скорее сыщутся. И буквально через три минуты (опорный пункт приютился буквально через дорогу) бедолагу возьмут под белые ручки и отправят на большой канареечной машине к граж-

данину следователю в кабинет. Транзитом через «обезьянник», конечно.

Если честно, то я даже сперва испугался. В подъезде опять выкрутили лампочку (поймаю – руки оторву!), и в темноте даже сквозь «рыбий глаз» трудно было различить, кто позвонил в дверь: клиент или киллер. Даже Приятель не дал бы мне точный совет в эту минуту. Наверняка просто выложил бы статистику: столько-то процентов, что клиент, а столько-то – что киллер. Открывать или не открывать – вот в чем вопрос.

Вообще-то, лучше бы он позвонил по телефону. Во-первых, не так страшно: ведь пулю в глаз не получишь. А во-вторых, я мог бы прекрасно уловить суть дела и по телефону. Теперь я, конечно, никуда не пойду, хотя дело было безотлагательной важности. Многочисленные уголовные дела, непохожие друг на друга, заполонили весь винт и тормозили работу моего электронного напарника, точнее Приятеля. Программа, которую я написал несколько лет назад еще для секретных заданий Конторы Глубокого Бурения (Хотя, какие еще, кроме секретных, могут быть задания у сотрудников КГБ? Ну, разве что, сверхсекретные.), безусловно, сильно помогала мне в работе, однако в последнее время ей перестало хватать опыта, и мне пришлось проинформировать ее о самых свежих и довольно небанальных уголовных делах. Одиннадцать томов дела банды Щербатого едва уместились на двадцати гигах жесткого пространства. Оставалось еще

«метров» пять, но это был НЗ.

Процессор тоже хотелось обновить по последнему слову, ОЗУ сделать побольше, короче, проапгрейдить все, на что хватило бы денег.

– Кто там? – задал я банальный, но необходимый в таких случаях вопрос. Интересно, поверил бы я, если бы он с представился водопроводчиком?

– Моя фамилия Кузнецов... – ах, вот так, значит. Что ж, будем знакомы. – М-м-м, мне нужен Мареев, Мареев Валерий Борисович.

«Пистолет достать, что ли?» – подумал я, не спеша открывать. – "Черт, теперь ведь он не даст мне выйти. Ну, не ползу же я, солидный человек, частный сыщик, через окно.

Что подумают обо мне окружающие?" – А зачем он вам? – поинтересовался я. – Вообще-то, предупреждать надо. Звонком по телефону.

– Из-звините, забыл, – замялся человек, представившийся Кузнецовым. – Так он дома или нет? У меня к нему срочное дело.

– Сейчас, – ответил я и все-таки сгонял на кухню за своим «макаровым». Разрешение лежало здесь же, в банке для гороха.

Так, а если там менты? Повалят, скрутят, доставят в отделение и доказывай, что ты не верблюд. А так, разрешение есть, все нормально...

Кузнецов был не один. Честно говоря, я даже немного

успокоился, увидев за его спиной двоих, как водится, шкафообразных квадратномордых детин, поняв, что это не киллеры, а просто братки со своим «папой». Следовательно, я пока что в безопасности.

– Семен Борисович Кузнецов, – клиент, а, как оказалось, это был именно он, протянул мне широкую сухую ладонь с мягкой смуглой кожей и ровными ухоженными ногтями. – Валерий Борисович, разрешите сразу к делу: у меня мало времени.

Жаль, что не дали продемонстрировать гостеприимство. Даже для таких внезапных гостей у меня заготовлена на кухне банка кофе и крепкий ароматный чай с лимоном, а также пара-тройка тортиков известной московской кондитерской фабрики в холодильнике. Впрочем, Семен Борисович все увидел собственными глазами, поскольку кухня служила мне еще и приемной. Уютно, знаете ли, по-домашнему. Клиента это расслабляет, располагает к открытой, честной беседе. А это в моей работе едва ли не самое главное.

«Братки» заполонили кухню своими могучими телами, и стало довольно тесно. Впрочем, Кузнецов сразу все понял и быстренько отправил их долой.

– Ступайте, лучше во дворе покараульте, – посоветовал он.

– Как только что подозрительное – сразу доложите мне. И он достал из внутреннего кармана дорогого черного пиджака мобильник и положил его на стол. Не откладывая в

долгий ящик, гость перешел к делу:

– У меня произошло несчастье, Валерий Борисович... В моей квартире произошло ограбление... Убита домработница, – с дрожью в голосе поведал Кузнецов. – Сегодня утром я вернулся из служебной командировки, и вот...

Было видно, как сильно волнуется этот решительный, волевой человек. Положив сцепленные в замок руки на стол, что у психологов означает закрытость, он несколько раз поднимал их к голове, чтобы прикрыть рот и потереться о них подбородком.

Да, видать, не каждый день ему приходится вот так близко иметь дело с убийством.

– Не волнуйтесь, Семен Борисович, – силясь улыбнуться, попытался я успокоить клиента. Достав из шкафчика поллитровую бутылочку, я решительно налил граммов сорок в маленькую рюмочку. – Успокойтесь. Выпейте, это расслабляет.

Мне кажется, ваши сегодняшние дела не будут иметь успех.

Отложите их лучше на завтра, а сейчас попробуйте собраться и все описать максимально подробно и точно. Правдивая и полная информация лишь ускорит расследование. Это выгодно и вам, и мне, не правда ли?

Кузнецов нервно кивнул. Затем встал, молча махнул рюмку и, закулив «Мальборо», стал ходить из угла в угол. Впрочем,

«ходить» – это громко сказано: где это у меня расходишься на восьми метрах?

– Начнем с начала, – вздохнув, сказал Семен Борисович. – Сегодня утром я возвращаюсь из Франкфурта, захожу в квартиру и вижу... труп. Клавдия Ковальчук, двадцать три года... Моя домработница. Я, конечно, побоялся ее трогать, сразу вызвал милицию и «скорую помощь». Они приехали, сразу стало полно народа в квартире, фотографировали, фотографировали... Валерий Борисович, мне неприятно об этом вспоминать.

– Да, вы правы, это лишнее, – согласился я. К чему мне его эмоции? Как говорится, слезами горю не поможешь. – Скажите пожалуйста, вот вы говорили «ограбление», а не «убийство».

Выходит, у вас что-то пропало?

– Вот именно поэтому я у вас и пришел, – Кузнецов даже понизил голос. – От милиции я кое-что утаил. Ну, убийство произошло, и это никуда не скроешь. Еще сказал, что деньги украли. Менты как раз этим и займутся. А вот вас я хотел бы попросить расследовать только ограбление. Меня даже больше интересует не сам грабитель...

– Грабитель? – насторожился я. – Вы сказали «грабитель». Не «грабители», не «грабительница», не «грабительницы», а именно «грабитель».

– Ну да, грабитель, – подтвердил Семен Борисович, не чувствуя подвоха.

– А откуда вы знаете, что это был мужчина, который действовал в одиночку? – спросил я на всякий случай и стал ждать реакцию.

– Ну, я не знаю, я просто так сказал, обобщенно, так сказать, – Кузнецов стал заговариваться. Что ж, теперь он наверняка побоится скрывать от меня что-либо.

– Хорошо, продолжайте.

– Я очень прошу вас найти пропажу.

Он так легко произнес это: «пропажу», словно речь шла о какой-нибудь ерунде вроде книжки или ключей от квартиры. старался успокоиться, наверно. Тем не менее создавалось ощущение, будто он тянул до последнего, не произнося вслух, что конкретно пропало.

Но когда я услышал, из-за чего весь сыр-бор, то чуть не сполз со стула. Честно говоря, я даже сперва подумал, что сплю и клиент пришел со своим заказом во сне, настолько неправдоподобно звучал рассказ Кузнецова. Чтобы в нашем городе существовали такие вещи, да еще смели бы пропадать...

Я сразу же нутром почуял солидный гонорар, да и суточные тоже неслабые. Про опасность в тот момент я не думал.

Ордена Св. апостола Андрея Первозванного второй и третьей степеней, которыми в 1869 и 1871 годах были награждены губернаторы Георгий Иванович Махарадзе и Павел Трифонович Козленко, орден Св. Анны первой степени, присужденный Александру Петровичу Михайлову – другому губер-

натору, орден Св. Павла четвертой степени, которым наградили Васильева Дмитрия Гавриловича – вот далеко не весь перечень экспонатов, которые хранились у Кузнецова и составляли его коллекцию. В реальности их было более тридцати, о чем коллекционер заносил информацию в компьютерный каталог.

– Понимаете, дело даже не в деньгах, просто... ну, просто я коллекционер. И, по-моему, этим все сказано. Мне дороги эти вещи вовсе не из-за своей стоимости, их ценность обусловлена редкостью экспонатов. Впрочем, и стоят они прилично. А украли все. Хотя, наверно, я единственный в области собиратель вещей, принадлежавших первым лицам губернии.

Мне страшно захотелось выяснить природу довольно странного увлечения моего клиента, но времени на подобные отвлечения не было. Впрочем, Бог с ним, пусть увлекается чем хочет. В данный момент на рассмотрение выдвинуто немало других очень важных вопросов. Ну, например, что узнала милиция, придя в квартиру Семена Борисовича или что делала домработница в его отсутствие в квартире?

– Хм, не знаю, – пожал широкими плечами Кузнецов. – Видно, пыль решила протереть, да цветы полить. Я ей дал второй ключ, так что она часто приходит, когда я в командировке. Я и ментам так сказал...

– Стало быть, вы один живете? – уточнил я. – Жена, дети..?

– Жена живет отдельно, мы с ней в разводе, – пояснил Семен Борисович. – Есть дочь, которая вышла замуж и уехала в Израиль.

– А они знают о коллекции? – насторожился я.

– Конечно. Но они, пожалуй, единственные...

– Нет, не единственные. А как же вы? – похоже, клиент забыл о том, что если знают двое – значит, знает свинья. Пираты так говорили. – Вот, уже трое.

– Хм, нет, вы не подумайте, мы расстались с ней очень мирно. Да и не интересны никогда ей были эти экспонаты. Я старался не афишировать свое увлечение. О нем знал лишь только узкий круг моих коллег по увлечению. Но о коллекции они могли только догадываться, я никому ничего не рассказывал. Там иногда такие личности попадались. Хитрые, жестокие. Если узнавали, что вещь стоит дорого, то могли даже на убийство пойти, лишь бы достать.

– Ясно. Да, кстати, вы уверены, что ваша домработница находилась в квартире одна? – спросил я. – Ее могли бы использовать.

– Думаете, скрысятничала, сдала коллекцию. Я не уверен, охранник уверен, – ответил Кузнецов. – У нас в подъезде охранник постоянно сидит. Мышь не проскочит. А вы говорите:

«не одна». И потом, Клава – порядочная девушка. У нее блестящие рекомендации. Уверен, она не стала бы приводить в чужой дом посторонних.

– Хорошо. Я понял, – хотя на самом деле, если никого из посторонних не видели, это еще не означает, что их не было.

Есть масса способов «закрыть глаза» свидетелям: отвлечь, подкупить, нейтрализовать, в конце концов. Что ж, посмотрим, что нароет Приятель в милицеских архивах по этому делу.

Коль скоро оперативники прибыли к Кузнецову сегодня утром, стало быть сейчас там уже все готово.

– Думаю, я соглашусь работать на вас, – дело представлялось мне не таким уж неприятным. К тому же если такой человек как Семен Борисович Кузнецов является потерпевшим, то он не поскупится в отношении оплаты.

Кстати...

– Ах, я совсем забыл! – он хлопнул себя ладонью по лбу, доставая «лопатник». – Сколько я вам должен за работу?

– За работу пока ничего. Ведь я еще не приступал. Выдайте мне пока суточные – сто у. е. в день. Дня на четыре пока.

Если управлюсь раньше – верну. Что касается гонорара...

– Пять штук, – предложил Кузнецов. – Если управитесь раньше, я Вас премирую.

Я пожал плечами, не желая спорить. Выдвинув ящик стола, я достал типовой бланк договора и оформил работу на гражданина Кузнецова Семена Борисовича как организацию его охраны.

Деловой, привыкший тщательно взвешивать все «за» и «против» человек, Кузнецов внимательно прочел текст и,

усмехнувшись, подмахнул.

– Соловей, все в порядке, я закончил. Зайди, – спокойно сказал в трубку Семен Борисович, и вскоре в дверь вновь позвонили.

– Все будет в порядке, Семен Борисович, – сказал я на прощание клиенту.

– Надеюсь, – коротко ответил тот. – Пусть все будет в порядке. Если возникнут вопросы или что-то насчет денег – звоните, поможем, чем сможем.

Когда они ушли и во дворе нашего обычного тихого тарасовского дома взвизгнули и затихли тормоза их иномарки, я вернулся в кухню.

«Черт возьми! Хотел порадовать Приятеля обновлениями, а тут этот Борисыч, как снег на голову», – подумал я. – «Нет, безусловно заработать пять штук баксов было бы неплохо, но справится ли сейчас Приятель с этой задачей, не знаю».

Никто ничего не видел, не слышал, не помнил. Теперь надо было перелопатить горы информационных баз, а прежде всего – найти их. Да, в такой ситуации ОЗУ не справится, да и файл подкачки займет не один мегабайт. Впрочем, пока информации не так уж много, пусть мой помощник помозгует. А я тем временем сгоняю в «Технодом» и приобрету то, что и планировал.

Да, я считал именно Приятеля своим помощником, а не себя – его, несмотря на то, что основную мыслительную работу выполнял он. Дело в том, что я пользовался тем, что

он не мог считать обратное. Он – машина, он думает, а не считает.

У него есть мысли, но нет мнения. Правда, логическая мысль в действии у него – это просто фантастика! И за это мы до сих пор вместе.

Однако в бывшую кладовую я полез вовсе не за тем, чтобы просто вновь увидеться со своим коллегой. Дело, которое поручил мне Кузнецов, было безотлагательным. Если милиция выйдет на след злоумышленника раньше меня, то клиент может больше и не увидеть свою коллекцию, по крайней мере, ее части. Кроме того, если я опоздаю, преступник просто толкнет ценности, а там... Ищи их, свищи.

«Представьтесь, пожалуйста!» – показал Приятель. Каждый раз он начинал работу с этой фразы. Это было так, на всякий случай, чтобы отбиться от случайных любопытствующих, если они, конечно, его найдут. Для опытного хакера, например, такого, как я, справиться с такой защитой – семечки. Но все равно это как-то успокаивало.

– Добрый вечер, Приятель! – сказал я, предварительно включив звуковой анализатор.

– Пользователь опознан. Привет, Хакер! – раздался в ответ отнюдь не металлический машинный голос. Конечно, он был синтезированный и напоминал смесь голосов моих соседей – Коляна, его жены Кати и Гошки, их сыночка-школьника. Мне надоел прежний, как у робота, и поэтому как-то раз, собираясь зайти к ним, я прихватил с собой диктофон.

Дома я оцифровал запись и создал новый голос для Приятеля. Он был немного женский, но твердый и довольно вежливый, точь-в-точь, как у вышколенной секретарши. (Правда, Приятель этого не знает, а то на это он точно обиделся бы, несмотря на то, что машина.)

1!!!!!!!

– 1 Хочу подбросить тебе информацию, – продолжил я.

Озаглавив в голове новое дело как «Кузнецовские сокровища», я приступил к введению в компьютер всей той информации, что рассказал мне клиент. Надиктовывание является с одной стороны удобным способом, потому что значительно ускоряет процесс и позволяет потратить освободившееся время на другие полезные занятия, например, самостоятельный осмотр места происшествия или беседы с людьми, рекомендуемыми мне Приятелем. Однако зачастую я могу повторить что-то не один раз, о чем Приятель мне всегда напоминает, причем, не очень вежливо.

Я уже привык во всем полагаться на своего железно-сидиконово-пластикового коллегу, поэтому никогда не посвящаю его в свои домыслы или суждения. Они ему вовсе ни к чему, тем более, что эти мои выводы могут только мешать и в конце концов приведут к тому, что он просто даст мне команду застрелиться.

Покончив с одним важным делом, я тут же приступил к другому, прерванному двумя часами ранее визитом Кузнецова. До закрытия «Технодома» оставался еще целый час, и

я надеялся все же завершить начатое. Я точно знал, что собирался купить, к тому же моя лихая «копейка» доставила бы меня туда в считанные минуты, так что в успехе я не сомневался.

– Думай, Приятель, – сказал я на прощанье и задвинул шкаф, скрывавший тайное помещение. Поколдовав над хитрым замком, изготовленным по моему специальному заказу соседом – слесарем Сашкой Садовым – в единственном экземпляре, я осторожно приоткрыл дверь.

На лестнице было тихо. Частенько бывает, что детектива, начавшего расследование какого-нибудь щекотливого дела, злоумышленники пытаются убрать еще в самом начале. Но, видно, у Кузнецова умелая охрана, раз его не сумели выследить. А может, и не следил никто... Впрочем, все ответы даст только расследование. Его-то я и начал. Точнее, мы с Приятелем. Гм, вернее, Приятель со мной.

ГЛАВА 2

Вернувшись, я первым делом проверил волосок, приклеенный к двери и косяку на уровне ногтя большого пальца ноги. Так я проверял, а не проник ли кто-нибудь ко мне в гости без моего ведома и разрешения. Впрочем, это я так, страховался. Если что, то Приятель, как бы занят он ни был, тотчас отзвонился бы мне на мобильник и пожаловался бы на несанкционированный взлом входной двери. То же касалось и окон, на всякий случай забранных решеткой, изготовленных уважаемой фирмой.

– Привет! – поздоровался я прямо от двери. – Я что-то тебе принес, дружок.

Да, будь Приятель человеком, он непременно стал бы прыгать до потолка, словно ребенок, обрадованный давно желанной, но тем не менее весьма неожиданной обновой. Да и стоило от чего: 41-гигабайтовый винт «Western Digital», 4 SIMM-карты по 128 Мбт и графический ускоритель GeForce 3. Теперь я смогу даже не наговаривать ничего, а просто отнять свою беседу с клиентом, встречи со свидетелями и подозреваемыми, репортажи с мест происшествий, а потом просто подбросить изображение Приятелю, и пусть сам разбирается. Кстати, и пять тысяч баксов мне весьма пригодятся: камера-то цифровая нужна.

Конечно, я не собирался тут же кидаться развинчивать са-

морезы, и пихать новые комплектующие на мать, ведь программа еще не закончила выполнять задание. Первым делом я приблизился к монитору и включил экран.

– О-о, дружок, похвально. Даже в таких трудных условиях ты умудрился проявить чудеса волевого настроя, – правда, я еще не знал, понадобится мне информация, которую накопал Приятель в мое отсутствие. – А ты довольно немало про них узнал.

Действительно, на экране появилось целое досье на моего клиента: год рождения, адрес по прописке, собственность, естественно, которая записана именно на него, место работы.

– Хм, ничего особенного, – пожал я плечами. – Директор ресторана, так, еще одного, еще...

В списке была целая сеть из четырех ресторанов, совладельцем которых являлся Кузнецов. Большой бизнесмен, но невеликая шишка. Не губернатор же. Но наверняка есть связи в госструктурах, правда, ни в каких базах данных про это не упоминается, по крайней мере, Приятель ничего не сказал. Что ж, это хорошо. Не очень-то хотелось вступать в конфликт с представителями власти. Гм, ну ладно, смотрим дальше.

– Так, «с женой разведен в октябре 1995 года, дочь осталась с супругой...», – пробормотал я. – «Ближайшие родственники – мать, Кузнецова (Коргалидзе) Наталья Спартак-овна... проживает в городе Пицунда... родная сестра, Аб-

рамович Валентина Борисовна... племянник Николай Рустамович... учится в Московском Госуниверситете, факультет механико-математический...».

От количества имен, отчеств и фамилий у меня голова просто пошла кругом. Еще эта сестра откуда-то взялась. Какое отношение она имеет к данному делу? Впрочем, если Приятель сказал, значит, так надо. А Приятель всегда прав.

– Что делать? – в который раз повторил я риторический вопрос, сейчас, впрочем, оказавшийся вполне конкретным.

Приятель тут же выдал следующую схему действий:

"1. Навестить бывшую жену Кузнецова – Бородавкину Жанну Ивановну. Послушать, что ей было известно о кол-лекции.

Адрес..., телефон...

2. Саломеев Кудияр Яковлевич – директор антикварного магазина. Трижды судим за спекуляцию (незаконная торговля антиквариатом). Адрес..., телефон...

3. Буханцев Асмодей Петрович – директор (что-то везет мне на директоров сегодня) областного Музея краеведения. Перед законом чист, более того – награжден почетными грамотами за ценные находки в области антиквариата, после, правда, девшиеся неизвестно куда. Адрес..., телефон...

4. Ковальчук Мария Сергеевна. Адрес... Дочь – Ковальчук Клава.

5. Абрамович Николай Рустамович – приезжает 1 июля.

6. Буденного, 29, кв. 4.

Кстати, «Соловей» – это Романовский Константин Сергеевич.

Трижды судим за разбой. Соловей-разбойник, значит".

Подобная шифровка уже давно не представляла для меня загадку. Приятель никогда не тратил много полезного пространства на подробные объяснения и сразу же приучил меня к краткости. Вернее, это я велел ему приучить меня. Раз фамилия и адрес – значит, встреча. Если нет адреса, то и человека тоже нет. Надо искать. Впрочем, не всегда человека и по адресу разыскать можно. Но я все равно нахожу. Ведь Приятель всегда поможет. Последний же пункт говорил о том, что и человек мне никакой там не нужен, просто я должен был осмотреть место происхождения. Похоже, в милиции не очень-то спешили заносить данные протокола в компьютер, а сканировать с бумаги, лежащей за многие сотни метров от него, Приятель еще не научился.

Что касалось бывшей кузнецовской жены, то мне еще сам Семен Борисович говорил, что она тоже знала о коллекции, и вполне возможно, что она кое в чем прольет свет на преступление или хотя бы что-то припомнит. В деле, которое представляется одним большим белым пятном, любая мелочь может стать той отправной точкой, от которой оттолкнется расследование. И эту мелочь необходимо было поскорее донести до Приятеля.

Я посмотрел на часы. Еще не поздно было заявиться домой к незнакомой даме, после предварительного звонка, ко-

нечно. Не стану же я прямо с порога пугать женщину внезапным рассказом о зловещем убийстве и невероятном похищении. Пусть успокоится, подумает, повспоминает. А я тем временем покатаюсь по городу, прослежу, нет ли «хвоста» и уж потом со спокойной совестью прибуду на место. А то еще потом начнут люди пропадать. Все, хватит, наелся я уже этого вдоволь, то и дело теряя важных свидетелей и тем самым затягивая расследование.

Жанна Ивановна довольно быстро подошла к телефону.

– Добрый вечер, Жанна Ивановна, – я старался, чтобы мой голос казался как можно более интеллигентным. – Меня зовут Валерий Мареев. Я – частный детектив.

– Детектив? – резонно удивилась собеседница, но потом быстро сообразила, что к чему. – Ну, если Вы от Кузнецова, то передайте ему, что моя личная жизнь его совершенно не должна волновать, и если Вы собираетесь меня шантажировать, то у Вас этот номер не пройдет. Можете капать ему все, что хотите, я свободный человек.

– Нет, Вы..., – в ту же секунду я услышал короткие гудки.

Что ж, очевидно, что Жанна Ивановна приняла меня за шпика, нанятого «богатеньким буратиной», чтобы следить за своей женой, хотя и бывшей. Совсем не похоже на отношения людей, которые развелись мирно и интеллигентно.

Однако я решил повторить попытку спустя минут десять, чтобы не раздражать женщину.

– Здравствуйте, это говорит Валерий Борисович, – как я и

задумывал, она не сразу узнала меня. — Я звоню Вам, Жанна Ивановна по поводу одного уголовного дела.

Похоже, это успокоило и насторожило ее одновременно. Она тотчас сообразила, что шутки шутить никто не собирается, и приготовилась слушать:

— Ну, — сказала она так буднично, словно сама работала в милиции и просто готовилась к очередному заданию.

Я кратко поведал ей суть дела. Реакция оказалась невероятной:

— Ха, ну, наконец-то, — после такого можно подумать, что она лично давно этого добивалась. — Так ему и надо!

Теперь уже настала моя очередь удивляться. Я не ожидал проявления такого злорадства со стороны бывшей жены к беде все же близкого ей человека (при этом ее не остановило даже сообщение об убийстве). Честно говоря, я сразу же подумал, что мне будет крайне неприятно разговаривать с этой особой.

Однако я тут же вспомнил, что всего месяц назад нам с Приятелем пришлось столкнуться с насильником, убийцей и циничным философом Григорием Коломейцевым, от одного вида которого я был просто готов растерзать его. По сравнению с ним Жанна Ивановна была просто душка. Ничего, с нервами я как-нибудь справлюсь.

Когда бывшая жена Семена Борисовича закончила свою гневную тираду, я проговорил:

— Это все, конечно, понятно, Жанна Ивановна (ну и стер-

ва!), и отчасти Вы правы, но мы непременно должны с Вами встретиться и побеседовать.

– Это еще зачем? Вы меня подозреваете? Если нет, то я все равно ничего не знаю.

Пришлось объяснять ей про то, что даже какая-нибудь маленькая деталь, что-то сказанное или сделанное когда-то позволит раскрыть сложное преступление, пообещать, что ее информация может оказать мне незаменимую помощь, и даже посулить ей часть гонорара (здесь я, конечно, слукавил).

Жанна Ивановна немного оттаяла, но засомневалась, что это стоит делать прямо сейчас.

– Да, именно сейчас, – твердо сказал я. – Потеря драгоценного времени может привести к...

– Хорошо-хорошо. Приезжайте. Но только ненадолго. Я живу...

– Спасибо, я знаю, – настала моя очередь перебить. – Увидимся.

Вопросы я решил пока не задавать, тем более, что Приятель не давал на сей счет никаких конкретных инструкций. Поэтому я быстро положил трубку и покинул квартиру, оставив Приятеля следить за данными милицейских компьютеров и наказав, как только появится что-то, касающееся нашего дела, тотчас мне позвонить. Я еще раз проверил, нет ли хвоста, батареек в диктофоне и зарядку аккумулятора мобильного, затем посмотрел на часы. Летом дневной свет обманчив, потому что темнеет довольно поздно. Но нет, на

циферблате было начало восьмого, и мой визит не мог оказаться чересчур неприличным.

Жанна Ивановна проживала довольно далеко от меня, однако по местным, тарасовским, меркам во вполне приличном месте – возле Политехнического института в совершенно новом доме.

Видно, Кузнецов все-таки чувствовал при разводе часть вины и приобрел ей эту квартиру в качестве отступного. Судя по электронному кодовому замку на двери подъезда, жильцы подобрались в нем не совсем простые. Впрочем, меня интересовал только один жилец, точнее, жительница, причем, довольно сильно, а потому электронное препятствие меня не смутило. Выход был прост, как дважды два. Еще один звонок по телефону будущей собеседнице (заодно и еще раз предупредил), и через три минуты меня пригласили войти.

– Мареев Валерий Борисович, – наконец совместил я все свои инициалы и предъявил лицензию и на всякий случай паспорт.

– Очень приятно, – улыбнулась Жанна Ивановна, даже не взглянув в бумаги. Интересно, чему это она обрадовалась, ведь еще полчаса назад Жанна заочно глумилась над бывшим мужем. Может быть, визиту симпатичного молодого человека?

Или возможности пообщаться хоть с кем-то, кроме товарищей по работе? Да, что ни говори, а женская душа – за-

гадка.

Жанна Ивановна была довольно хорошенькой женщиной лет сорока высокого роста с милым приветливым лицом и чистым приятным голосом. Надо же, живьем она совсем не казалась стервой, так что первичное впечатление совсем улетучилось. Об особенностях фигуры, кроме того, что она казалась стройной, не позволял судить свободный темно-вишневый домашний халат, охваченный тоненьким плетеным пояском с пушистыми кистями на кончиках. Волосы были короткие, светлые. «Очередная крашеная блондинка», – подумал я. – «Впрочем, ей идет».

– Кстати, а почему Вы обратились именно ко мне? – спросила Жанна Ивановна, гостеприимно усадив меня в кресло и поставив чашку чая на журнальный столик. – Сема мог бы рассказать о своей коллекции много больше. Да и о связях тоже.

– Да, Вы правы. Мы, собственно, так и договорились. Когда у меня возникнут вопросы, я обязательно снова встречу с Семеном Борисовичем. А пока меня интересует все, что Вам известно о коллекции.

Хозяйка пожала плечами. Она интересовалась лишь теми драгоценностями, которые были или могли быть на ней, а всякие там ордена различных степеней с драгоценными камнями и ажурными орнаментами, присужденные за заслуги перед Россией, пусть даже и принадлежавшими нашим губернаторам, бесценные для Кузнецова, ее совершенно не

волновали. Поэтому многочисленные разговоры по телефону, связанные с куплей-продажей экспонатов, чаще всего проходили мимо ее ушей.

– Сема никогда не показывал коллекцию никому из посторонних, – рассказывала Жанна. – У нас нередко собирались друзья, родственники. Но никто из них не знал о существовании этих вещей в нашей квартире. Только я, Сема и Маша – наша дочь.

– Значит, он не захотел, чтобы кто-то еще узнал про них и после пропажи, – поразмыслил я вслух. – Но почему?

Однако Жанна Ивановна неожиданно нашла, что ответить:

– Видите ли, Валерий Борисович... Прямо даже не знаю, говорить ли вам... Ну, да ладно. В-общем, некоторые вещи имеют довольно темное происхождение.

– Как так? Ворованные что ли?

– Видимо, да. Какие-то закрытые интернет-аукционы, где никто не знает друг друга... Иногда все так и происходило.

– Семен Борисович участвовал в интернет-аукционах? – удивился я. Честно говоря, клиент производил впечатление человека, далекого от всех современных компьютерных технологий. Так, значит, вот почему он не стал рассказывать милиции о своей коллекции. У самого рыло в... Ну, да.

– Жанна Ивановна, а вот Вы сами никому не рассказывали о коллекции? – поинтересовался я, хотя и сомневался, что Кузнецова-Бородавкина признает себя невольной навод-

чицей.

– Нет, ну, что Вы, – даже немного возмутилась Жанна. – Да я толком-то и не знала ни про что. Так, иногда устраивали просмотр, Семен все восхищался и хвалился, как ловко ему удавалось заполучить ту или иную вещицу. Мне зачастую казалось, что эти безделушки занимают его больше, чем я и дочь.

– Кстати, вы с ней вместе живете? – я решил проверить клиента на честность.

– Нет, она недавно вышла замуж и уехала с мужем в Тель-Авив. Он – программист, его пригласили работать... Она здесь ни при чем.

Хотелось бы на это надеяться. Еще не хватает искать в этом деле израильский след. Придется тогда такие ресурсы подключать... Впрочем, думаю, Приятель обрежет ненужные ходы и значительно сузит круг подозреваемых, облегчив мне таким образом работу.

Диктофон продолжал наматывать пленку, четко записывая наш разговор с Жанной Ивановной. Мне следовало ограничиться часом, чтобы не придумывать предлог для того, чтобы сменить кассету.

Вопросов к Бородавкиной я больше не имел и поэтому вскоре засобиравшись уходить. Проводив меня до двери, Жанна Ивановна внезапно хлопнула себя по лбу ладонью и воскликнула:

– Вспомнила. Был один человек, который несколько раз

приходил к нам именно по поводу коллекции. Старенький такой, в скромном потрепанном пиджачишке. Я еще тогда подумала, мол, ну, что он может купить? Видимо, продать что-то хотел, он и сам-то был, как ходячий антиквариат. И только потом я узнала, что это был самый известный антиквар в городе.

– Как его зовут? – стараясь сохранять спокойствие, спросил я. Я почувствовал, что стало теплее.

– Я не знаю, они с Семеном в кабинете беседовали. Спросите у него сами.

– Да-да, – закивал я головой и попрощался с Жанной Ивановной.

Могла ли беззащитная женщина стать инициатором ограбления, ну, хотя бы из чувства мести? Вполне. Но точно так же тот неизвестный мне, но известный всему городу антиквар тоже вполне подходил на роль заказчика. Его мотивация даже повыше будет. Что ж, вот у меня и появились вопросы.

ГЛАВА 3

Мне хотелось убить сразу двух зайцев. Информация в милицейскую систему данных так и не поступила, поэтому Приятель посоветовал мне самому отправиться в квартиру на Буденного (он еще вчера предлагал мне сделать это) и осмотреть место происшествия. Конечно же я предварительно договорился с Кузнецовым, что хочу задать ему лично еще несколько вопросов, причем, у него дома.

Вставать рано для меня – словно нож острый, но занятой клиент попросил меня приехать к нему в половине восьмого утра, мол, дел у него много. Однако работа для меня была важнее собственных ощущений, и я приложил все усилия, чтобы вновь не заснуть. Приняв холодный душ (принять контрастный не позволял ЖЭК: уже две недели неизвестно куда подевалась горячая вода; может, выпил кто?) и залив в желудок крепкий сладкий кофе, я почувствовал себя так бодро и свежо, что готов был повторять эту процедуру ежедневно, дабы не терять драгоценное время.

Дом на Буденного, 29 принадлежал к разряду элитных. Четыре этажа, на каждом из которых располагалась целая квартира площадью метров в 180, один подъезд с охранником в вестибюле плюс подземный гараж вмещали в себя имущество граждан с отнюдь не средним достатком. Доходы господина Кузнецова позволяли ему еще и увлекаться люби-

мым делом – коллекционированием. Теперь его лишили результата многолетних трудов, и он не жалел денег и времени, лишь бы вернуть хотя бы часть, если не все.

Войдя в квартиру, я ожидал увидеть на полу начерченный мелом силуэт с крестиком где-нибудь в районе сердца, однако его не было. Не видно было и следов досмотра или борьбы. Судя по всему, телохранители Кузнецова давно уже привели все в порядок, чтобы ничего не напоминало хозяину о трагедии, разыгравшейся накануне. Семен Борисович принял меня в уютной гостиной, интерьер которой явно составлял опытный дизайнер, и усадил в мягкое удобное кресло.

– Извините, я не успел сказать ребятам, и они уже все убрали. Но для Вас я специально достал то, что Вам необходимо для работы, – почти виноватым тоном произнес Кузнецов и протянул мне пачку белых листов формата А4 с бледной ксерокопией.

Я не стал спрашивать, каким образом ему удалось заполучить копии протоколов осмотра места и опроса возможных свидетелей, и, сложив вдвое, положил бумаги во внутренний карман пиджака. «Дома Приятелю процитирую».

– Семен Борисович, вероятно, вчера Вы слишком торопились, поэтому нам не удалось обсудить все. Теперь у меня есть несколько вопросов.

– Да-да, что Вас интересует? – спросил клиент, приготовившись внимательно слушать.

– Прежде всего, кто, кроме вашей семьи знал о том, что

вы коллекционируете ордена? Ведь кто-то наверняка знал, чем Вы интересуетесь, чтобы при случае вспомнить и подогнать нужный экземпляр. Вы же общались с антикварами и другими коллекционерами, не так ли?

– Это верно. И один из них даже бывал здесь. Но это проверенный человек, он никогда не пойдет на мокрое дело...

– Ну, вовсе и не обязательно идти самому. Скажите, кто он?

– Его фамилия Гилевич, – вздохнув, ответил Кузнецов. – Один из самых авторитетных антикваров в городе. У него до сих пор консультируется Саломеев – директор антикварного магазина «Подсвечник». Знает о старинных вещах все и даже больше. Я и сам иногда советовался.

– Хм, не удивлюсь, если и про Вашу коллекцию он тоже как-то узнал. Ведь она не такая и маленькая, – предположил я.

Похоже, что Кузнецов уже и не так верил в безгрешность Гилевича. Он пожал плечами и уставился куда-то в угол, видимо, задумавшись.

– Действительно, он мог быть заинтересован в ограблении, – согласился Кузнецов. – Как-то он все просил меня продать ему орден Св. Петра, мол, не для себя, а для какого-то москвича. Видел его раньше у кого-то. Потом узнал, что оно у меня. Большие деньги предлагал. Но у меня есть деньги, и я трачу их на свою коллекцию. Поэтому я отказался.

– Его тоже украли?

– Разумеется.

– Вы только с ним общались на тему антиквариата? – уточнил я.

– Нет, хотя в данном отношении я использовал лишь ограниченный круг людей, разбирающихся в подобных вещах.

Только тех, кому я доверял. Еще я общался с упомянутым мной Саломеевым и Буханцевым.

– Вы доверяли Саломееву? – удивился я. – А Вам известно, что он...

– Конечно, – уверенно ответил Кузнецов. Затем, усмехнувшись, добавил: – Только это было очень давно, а тогда и меня обвинили бы в спекуляции. А Вы очень пошли бы за шпионаж или незаконное хранение оружия. Тогда и филателистов сажали без разбора люди, для которых марка – листочек раскрашенной бумаги, а старинная картина неизвестного автора равнозначна совдеповской репродукции Серова.

– Ну, хорошо, – согласился я, видя, как, все больше распахиваясь, возмущается мой клиент. – А кто такой Буханцев? Тоже... по этому делу?

Я сделал вид, что понятия не имею, о ком идет речь. В ту же секунду Кузнецов опустил меня ниже плинтуса:

– ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ БУХАНЦЕВА?! – что, авторитет какой, что ли?

– И после этого Вы хотите считать себя интеллигентным и культурным человеком? Вы в музей когда в последний раз

были-то?

Я честно ответил, что не помню. Но пообещал сходить сразу же, как только закончу с этим делом. Честное благородное!

– Буханцев Асмодей Петрович – директор нашего областного музея краеведения, – словно школьнику наставительно объяснил Семен Борисович. – Вот такой мужик! Тоже интересовался кое-чем.

– Это все? А родственникам Вы доверяли в меньшей степени? – задал я следующий вопрос. – Кроме жены и дочери, я имею в виду.

– Нет, все думали, что я только интересуюсь. Выставил пару вещей в сервант. Они думали, что это – все. А коллекцию я прятал.

– Кстати, где Вы ее хранили? Ведь не могли же Вы держать ее в простом деревянном шкафу...

Кузнецов молча встал и подошел к небольшой картине, висевшей на стене над огромным проекционным телевизором.

Действительно, ни одному грабителю, плохо знакомому с обстановкой квартиры Семена Борисовича, и в голову не могло бы прийти искать шедевры за картиной, которая располагалась так неудобно. Однако а самом деле я тоже ошибся, и все обстояло иначе.

– Здесь у меня управление замком сейфа, – доверчиво открыл тайну Кузнецов. – Само хранилище находится в другой

комнате.

Увидев мое недоумение, Кузнецов улыбнулся и продолжил:

– Вас, видимо, удивляет, что я вот так открыто рассказываю о сейфе, замке и так далее? Но, во-первых, в том сейфе уже ничего не лежит, а во-вторых, я очень надеюсь, что Вам, точнее, нам это поможет. Ну, и кроме того, шифр знаю лишь я один. Это уж точно.

Гм, такая уверенность может натолкнуть на мысль, что Кузнецов сам себя и ограбил. Уж не знаю для каких там целей, но... Но также и возможно, что он просто не знает, что кто-то еще смог узнать код. Но как?

– Надеюсь, Вы помните его наизусть? – уточнил я.

– Естественно. И даже могу сказать его Вам, если интересно, – предложил Семен Борисович. – Все равно менять, раз другие уже узнали. Ну, идемте, сейчас все увидите.

Сейф располагался, конечно же, в кабинете Семена Борисовича и своей конструкцией напоминал мой тайник для Приятеля.

В сторону был отодвинут книжный шкаф, за которым я увидел широкую массивную дверцу в стене.

– Вот, смотрите, – Кузнецов легко открыл сейф, в котором было абсолютно пусто. – Здесь было немного денег: тысяч пять долларов. Взяли и их.

Он выдвинул из сейфа поднос, на котором раньше, словно на музейном стенде, располагались золотые и серебряные

ордена с рубинами и небольшими бриллиантами, которыми награждали первых лиц нашей губернии. Очень удобно для просмотра, и прячется легко.

– Только вот ума не приложу, как можно было его открыть, ведь шифр даже не записан нигде...

– Неужели нигде? – снова удивился я. – А если бы Вы его забыли, тогда коллекция пропала бы навсегда? Ведь не согласились бы Вы взорвать дверцу.

– Ну, если честно, – немного помолчав, решил признаться клиент, – то у меня в компьютере он есть. Но там везде нужны пароли: включить, загрузить файл и т. д. Не думаю, что за очень короткое время можно добраться до шифра.

Действительно, если только взломщик не был опытным хакером вроде меня. Да-а, визит к клиенту еще больше поставил перед нами с Приятелем новых вопросов, чем дал ответов на предыдущие. Впрочем, это тоже большая польза. Есть информация, а значит, будут и новые версии, которые придется отрабатывать. Это гораздо лучше, чем ничего.

Перед уходом я все же решился задать томивший меня вопрос:

– Семен Борисович, а зачем Вы коллекцию собирали-то? Для себя, как Скупой рыцарь, чтобы долгими зимними вечерами любоваться на эти сокровища в одиночку?

– Была у меня мечта, – вздохнув, ответил Кузнецов и открыл мне дверь. – Открыть экспозицию, посвященную истории правления нашей губернии, в краеведческом музее.

Лавры Третьякова Павла Михайловича покоя не давали. Я уже и с Асмодеем договорился. А тут вдруг – бац! Так что, я очень на вас рассчитываю.

Вернувшись домой, я с радостью обнаружил, что Приятель дождался-таки информации по протоколам дела об убийстве, которое ведет милиция. Среди всей крайне неаппетитной информации об осмотре тела судмедэкспертами меня заинтересовала одна деталь. Смерть Клавы наступила от удара тупым предметом по голове ночью, причем, за сутки до приезда хозяина квартиры – с 26 на 27 июня. Вот так-так! Что же она делала ночью в квартире Кузнецова? Также дверь в квартире Кузнецова, в соответствии все с тем же милицеейским протоколом, не была взломана, а открыта ключом. Или изнутри.

Что ж, похоже, таинственный ларец потихоньку начинает приоткрываться.

Тем временем Приятель, закончив выдавать мне оперативную информацию, приступил к инструктажу:

"1. Хакер, узнай, есть ли у Клавдии Ковальчук близкий друг или жених. 1Есть вероятность, что преступник был хорошим 1знакомым жертвы.

2. Шнайдер (Кузнецова) Мария Семеновна. Проживает в Тель-Авиве (Израиль). Телефон..."

– Молодец, обязательно воспользуюсь. Ну, а что ты скажешь на это? – и я, включив звуковой анализатор, тотчас стал загружать в него новую информацию. К счастью, ни в

какие сети и защищенные сложными программами базы данных Приятелю лезть не пришлось, и он очень скоро, поворачав процессором, продолжил давать советы:

"1. Ищи хакера (не себя) или программиста. Вариант: Шнайдер Андрей Наумович – находится в Тарасове с 20 июня (т. е. во время преступления). Адрес по прописке... Вероятность участия в преступлении – 54 %. (Ого! Ну, конечно. Кто, как не он мог тихо проникнуть в квартиру своего тестя – не исключено, что Клава хорошо знала его – и подобрать код к сейфу или, что сделать значительно проще, узнать пароль файла в компьютере, где этот самый код хранился?) 2. Гилевич Иван Иванович (Ян Янович) – потомок польских эмигрантов; судим за спекуляцию, организацию подпольных аукционов. Адрес...

3. Буханцев Асмодей Петрович – директор Тарасовского областного музея краеведения. Имеет медаль ветерана труда, поощрения за участие в успешных археологических экспедициях, пополнение фондов музея. Адрес... Вероятность участия в преступлении – 5 %".

Я специально не спрашивал Кузнецова, где живут его коллеги.

Не хотелось, чтобы кто-то догадывался о моих шагах. Если чего надо было бы, сам спросил бы. А пока Приятель мне может помочь, я и сам управлюсь.

Вот и сейчас он беспрепятственно проник в базы данных аэропортов Тель-Авива и Москвы и узнал, что пассажир

Шнайдер А. Н. регистрировался на авиарейсы, вылетающие из этих городов. Обратно он собирался ехать... сегодня в 10.00!

Черт! Вот засада! Таки придется лететь на историческую родину мужей кузнецовских сестры и дочери. Если, конечно, я не успею поймать его, пока он вновь не свалил. А если нет, то...

Через пару минут натужный рев движка моей «копейки» вновь нарушил спокойный визг пилы мастера на все руки Содомова, и взметнув облако пыли в безоблачное летнее небо, я вылетел из нашего дворик в тихом центре на улице Майской. Держа перед глазами фото Шнайдера, я несся, с трудом соблюдая правила дорожного движения, в аэропорт. До отлета оставался час, и долговязая фигура господина Шнайдера как человека пунктуального появилась в здании через минуту после меня. Ну и что теперь? Как мне работать с ним? В недоумении я схватил телефон.

– Не суетись, Хакер, – успокоил меня Приятель. – Сейчас он пройдет контроль, и станет известно, что у него в багаже. Я перезвоню.

По мере того, как приближалась очередь Андрея Наумовича проходить предполетный контроль, напряжение внутри меня нарастало. Что делать, если опасения подтвердятся, а он уже окажется по ту сторону барьера. Я не работник милиции и не могу положить всех носом в землю, а потом начинать задержание. Мне нельзя даже позвать на помощь

ОМОНовцев, дежуривших в зале. А пока доедет мой сосед Аслан Макаров с отделением ППСников, тот уже до Москвы доберется.

Телефонная трель оборвала мои размышления. Из трубки доносился четкий синтезированный женский голос:

– В кармане куртки чек об оплате услуг туристической фирмы «Омега» по организации отдыха на турбазе «Космос» на острове Бредовый, а также билет на теплоход, отплывавший вечером перед убийством в 19.00. Обратный билет – вчера утром от пристани острова Бредовый.

Что ж, похоже, у него алиби. По крайней мере то, что оно липовое, мы доказать пока не можем. Следовательно, продолжаем действовать по ранее установленному Приятелем плану. То есть, отправляемся в антикварный магазин.

Судя по адресу, он находился в противоположном от аэропорта конце города. Видимо, исключительно низкая арендная плата могла занести столь достойное заведение в этот захолустный район. Вряд ли кого из местного населения могли заинтересовать старинные подсвечники или ордена. Да и древний кубок годился, по-видимому, лишь для того, чтобы глушить дешевый самогон.

Остановившись в тихом местечке в центре города, я набрал номер магазина, однако вежливый женский голос сообщил мне, что Кудияр Яковлевич полчаса назад внезапно куда-то уехал и будет только на следующий день. На предложение оставить информацию для директора я ответил отказом,

поскольку в мои планы входила именно личная встреча, а не отправление телефонограмм.

Внезапное исчезновение антиквара несколько озадачило меня.

Дела? Может быть, только они обычно планируются заранее.

А если возникло внезапное предложение о продаже какой-нибудь вещи? Например, из коллекции Кузнецова.

Внезапно меня осенило. Да и Приятель сделал мне недвусмысленный намек. Действительно, все совпадает: просьба продать орден, отказ, обида, затем ограбление и продажа ненужных вещей, чтобы не держать у себя награбленное. Сделав звонок домой и дав Приятелю новую пищу для размышлений, я двинулся к Гилевичу. Уже через пять минут мой коллега отзвонился:

– Отправляйся к Гилевичу, возможно, застанешь там Саломеева. Уместен торг.

Ну, конечно! Такие дела быстро не делаются. Если Саломеев планировал появиться на работе на следующий день, то он мог бы пробыть у Гилевича по меньшей мере до обеда. Пока выберет товар, пока сторгуются, а тут и я нагряну. Покажу лицензию, положу мордой в пол и звякну своему клиенту. Что ж, тогда вечером можно будет сходить к Буханцеву, только не по делу, а просто в музей.

«Копейка» с трудом преодолевала дорогу вверх. Этот участок Шелковичной был настолько длинным и крутым, что

зимой даже автобусы иногда не могли преодолеть его из-за обледенения.

Где-то вверху среди подобных ей пятиэтажек пряталась «хрущоба», в которой жил Гилевич. Странно, что такой видный и авторитетный антиквар не подобрал себе жилье попросторнее, да и поближе к центру.

Взлетев по лестнице на четвертый этаж, я приблизился к обитой скромным дермантином двери и осторожно позвонил.

Потом еще раз. Еще. Через пару минут послышались шаркающие шаги и противный скрипучий голос:

– Кто там?

– Я к Ивану Ивановичу. Старье беру.

Именно с таким паролем (его Приятель узнал все в тех же милицейских архивах) еще в советские времена к Гилевичу приходили продавцы и покупатели. Вот и на этот раз он купился.

ГЛАВА 4

Попался Иван Иванович и на мой вполне цивилизный прикид (буквально в воскресенье я отоварился в «Levi's»), поэтому пригласил войти. Похоже, он уважал деловых людей, поэтому прежде чем приступить к диалогу предложил мне чаю. Наученный горьким опытом потребления подмешанного в напитки клофелина и прочей дряни, я посчитал, что разумно было бы отказаться.

Антиквар выглядел вполне крепким стариком среднего роста с ясным взглядом и трезвым рассудком. Человек с высшим образованием историка и и тягой к ценным экспонатам, он не позволял себе расслабляться и поддаться старческому маразму.

Поэтому даже дома одевался аккурано и вполне прилично: светло-серые брюки и голубая рубашка с короткими рукавами.

Несмотря на неожиданный визит незнакомого ему человека, он сохранял спокойствие и не нервничал. Не было похоже на то, что несколько минут назад он прятал здесь скупщика краденного. Хотя, этот Гилевич – наверняка хитрая лиса, и выкрутиться сможет из любой ситуации.

– Я от Буханцева. Я слышал, у Вас можно орден купить, – скромно сказал я. – Довольно редкая вещь, но, может быть, у Вас есть. Я слышал, что Вы интересуетесь...

– Интересовался. Да вот государство весь интерес отбило, – почти злясь, но не на меня, ответил Гилевич. – Могу помочь найти продавца, если желаешь. Что интересуется?

– Э-э, орден Св. Павла третьей степени, – припомнил я разговор с Кузнецовым. – Или Св. Елизаветы. Есть такие?

При этих словах Гилевич вмиг переменялся. Его безразличный взгляд засиял, и он придвинулся поближе.

– Откровенно говоря, я сам давно гоняюсь за Павлом, – шепнул он. – Кстати, ты приезжий? Что-то я никогда тебя не видел. Да-а, задачку ты задал мне весьма сложную. Насколько я в курсе, подобная вещь в нашем городе есть только одна.

Вчера мне предлагали ее купить.

– Ну, а Вы? – я уже стал проявлять неподдельный интерес к торговле антиквариатом.

– Не взял. Спросил, откуда, а продавец начал какую-то херню нести. Мол, на каком-то нет-аукционе взял. Тоже мне, нашел дурака, мозги пудрить. А главное – цену-то настоящую не знает, попросил ерунду, наверняка спер где-нибудь. Что-то не хочется мне опять в тайгу ехать лес валить.

– А кто он, продавец-то?

– Ха, если б знал, кто, башку б отвернул. А он же по телефону звонил. Что теперь с орденом сделают? Переправят за границу. А может, переплавят в какой-нибудь браслет, да толкнут в ювелирном. Если ты не купишь сдуру. Вообще-то, не советую. Кинут или подставят.

– Вы за меня не беспокойтесь, я уж как-нибудь сам раз-

берусь, – успокоил я собеседника. – Вы мне телефончик-то его дайте.

– Интересно, где я его возьму? Думаешь, он мне оставил? – усмехнулся Гилевич. – Да он даже не представился.

Осторожный, сволочь.

– Хм, как же мне его найти? – задумался я.

Иван Иванович взглянул на меня, потом вздохнул:

– Эх, дурак ты, парень. Пожил бы с мое, не рассуждал бы так. Ну, ладно, попробую тебе помочь.

Я был весь во внимании. Старик мог помочь не только мне, но и Кузнецову.

– Он может предложить этот орден еще кое-кому. Обратись к Саломееву Кудияру Яковлевичу. Если успеешь, попроси переадресовать покупателя тебе. Ну, за определенную плату, конечно.

– Хорошо. Ну, что ж, спасибо за информацию. До свидания.

Что ж, отрицательный результат – тоже результат. Надо было поскорее представить наш разговор со старым антикваром, конечно же, записанным на диктофон, Приятелю, и я помчался домой. К тому же, отказавшись от чая с бутербродами, я вскоре ощутил довольно сильное чувство голода и вспомнил, что завтракал в половине седьмого утра. Пока я возился на кухне, мой помощник внимательно слушал нашу с Гилевичем беседу, а как только я вылез из-за стола, тотчас поспешил ознакомить меня с выводами.

"1. Гилевич Иван Иванович в период с 22 по 27 июня не присутствовал в городе. Он находился в Москве. Веду дальнейший поиск. Вероятность участия в преступлении – 12 %.

2. Постарайся установить за ним наблюдение.

3. Если он раскрыл тебя, опасайся покушения".

Я понял, в связи с чем приятель предположил столь высокую вероятность участия Гилевича в ограблении, несмотря на его отсутствие в тот момент в городе. Если мы так и не узнаем, что он делал в Москве, то она может даже еще увеличиться.

Вполне возможно, что Иван Иванович таким хитрым образом обеспечивал себе алиби. Но почему в Москве? По данным того же Приятеля, у Гилевича единственными родственниками в России являются его брат в Кузнецке Пензенской области и сын в Тарасове. Зачем надо было ехать бог весть куда, целую ночь трястись в вагоне, когда можно было смотаться к брату, пересидеть сутки-другие, а потом вернуться? Ведь и туда ходят поезда, так что так тоже можно было засветить свое имя в случае, если станут проверять. Нет, здесь не все так просто. Что ж, Приятель пообещал еще там что-то накопать, так чтождемся новой информации.

Помыв посуду, я вспомнил, что давно уже дожидается своего часа встреча с матерью Клавы – Марией Сергеевной Ковальчук, и только внезапное появление на горизонте нашего расследования господина Шнайдера помешало случиться этому раньше. Приятель выдвинул версию, почему

проникновение в квартиру Кузнецова было столь незаметным и тихим. Вероятно, Клава сама открыла дверь кому-то из своих знакомых и, видимо, даже помогла тому человеку пройти незаметно для охраны. А после случилась жестокая трагедия.

Телефон Марии Сергеевны молчал. Гудков не было совсем, и я предположил, что его отключили. Понятно, второй день после внезапной гибели ее дочери – женщина наверняка находится в шоке. Однако время идет, а преступники все еще не найдены.

Мария Сергеевна должна была меня понять и постараться вспомнить все-все до мельчайших подробностей, иначе я не найду убийц Клавы. Так, или приблизительно таким образом я представлял себе свою встречу с тихой заплаканной женщиной лет пятидесяти в квартире, полной безутешной родни и скорбящих друзей.

Я почти угадал. На Марии Сергеевне действительно лица не было от горя, и она долго не могла понять, что я от нее хочу. Затем она отвернулась и молча закрыла дверь.

«Не понял», – подумал я и снова позвонил в дверь. Как только она открылась, я мгновенно оказался внутри. Как-то неведомая сила быстро согнула меня пополам, свалила с ног и уперла носом в пыльный половик, лежавший у двери.

– Лежать! – заорал требовательный голос и между лопаток мне тотчас уперся автоматный ствол.

«Вот влип. Интересно, кто там?» – гадал я, предполагая самое худшее, будучи не в силах обернуться и посмотреть.

Однако по гладко вычищенным «говноступам», на миг оказавшимся возле моего лица, я понял, с кем имею дело.

Хорошо, что это были не бандиты. А то сразу же пошли бы в ход угрозы, требования прекратить расследование и тому подобное. Пришлось бы тогда действительно на время приостановить дело и заняться организацией собственной безопасности. Но, к счастью, все было в порядке. Мне быстренько нацепили «браслеты» и перевернули на спину.

– Кто такой? – требовательно спросил не по годам грозный, зато толстый и аккуратнo причесанный, молодой мент, нависая надо мной, словно скалистый утес над пенящимся прибоем, так и норвящий сорваться вниз. Рядом стояли еще двое, направив мне в лицо свои АКМы. – Документы!

Можно подумать, я – Игорь Кио и смогу достать из барсетки что-либо скованными за спиной руками. Не сразу поняв это (один из архаровцев еще и пнул меня слегка ногой за неповиновение), он повторил свой суровый окрик:

– Я спрашиваю, ты кто такой?

– Мареев, Валерий Борисович, частный сыск, – честно признался я, взглядом показывая на кожаную сумочку для документов, оставшуюся болтаться у меня на запястье. – Взгляните.

Главный кивком головы приказал выполнять, и один из автоматчиков поторопился достать мою лицензию и паспорт,

сломав при этом впопыхах замочек барсетки, после чего передал ему документы.

Читая, тот подныл вверх брови, видимо, выражая свое крайнее удивление тому, что я сказал правду. Передав документы обратно, он велел снять с меня наручники.

– Хозяин квартиры, где произошло... – я бросил взгляд в комнату и увидел там Марию Ковальчук, – преступление, нанял меня, чтобы я вел расследование параллельно с вами. Вот пришел, чтобы побеседовать с Марией Сергеевной...

– Думаю, у Вас сегодня не будет этой возможности, – опер, который, как выяснилось, был в звании лейтенанта, неожиданно стал вежливым. – Она с нами-то с трудом согласилась говорить, так что Вы лучше завтра приходите. Мы здесь выставим охрану, но Вас пропустят, если Вы покажете лицензию.

– Очень жаль, – посетовал я. – Тогда передайте, пожалуйста ей вот это, – с этими словами я быстро накатал на листочке, вырванном из блокнота, свою фамилию и телефон и передал его офицеру так, чтобы это видела Мария Сергеевна.

– Пусть обязательно позвонит. Это очень важно.

– Всего хорошего, – попрощался тот, взяв бумажку.

Уходя, я бросил еще один взгляд в комнату и понял, что лейтенант обманул меня. Никакого разговора с Марией Сергеевной он не вел: столик перед диваном, где сидела женщина, был пуст, и на нем не было никаких бумаг для обязательного ведения протокола допроса. Неужели в милиции служат

такие неосмотрительные люди? А вдруг она потом изменит свои показания или откажется от прежних? Видимо, лейтенант просто охранял важного свидетеля и не хотел пропускать к нему посторонних. Или же боялся сделать это без ведома начальства. Так что телефон мой он скорее всего ей не передаст. Впрочем, я сам собирался позвонить ей на следующий день. Если, конечно, телефон включат.

Я вышел из подъезда, и только теперь заметил «канарейку», стоявшую рядом. Странно, что я не обратил на нее внимание, когда пришел. Когда я проходил мимо, направляясь к своей машине, водитель отчего-то весьма подозрительно посмотрел на меня, поэтому я поспешил быстро уехать.

Что-то не везет мне сегодня: день сплошных обломов. Саломеев смотался куда-то, Шнайдер оказался ложным ходом, у Ковальчук милиция... Такое ощущение, словно кто-то предупреждает их о моем к ним интересе. Впрочем, не родился еще человек, который мог бы проникнуть в Приятеля и узнать, куда он отправляет меня каждый раз, а в телепатию я не очень-то верю.

Рабочий день был в самом разгаре, поэтому Буханцева следовало искать в музее. Припарковавшись за углом, я решил пройти не со служебного хода, а как обычный посетитель – с парадного. Выложив десять кровных рублей за билет, я проник внутрь и довольно быстро обнаружил потайную дверь с грозным «Посторонним вход воспрещен!», однако толкнул ее и оказался в темном коридоре. Было тихо

и пыльно. Все стены оказались уставлены какими-то весьма громоздкими ящиками и неизвестными конструкциями, накрытыми громадными кусками ткани. Честно говоря я тотчас пожалел, что не стал пробиваться через бдительных вахтеров на служебном входе, а предпочел поиграть в «бродилку».

Спасение следовало искать у Приятеля. Он, как всегда, «снял трубку» после пятого гудка:

– Алле! – для телефонных звонков я придумал ему именно такой ленивый голос сонной секретарши. – Ждешь информацию, Хакер? До завершения взлома осталось двадцать минут.

Это он о Гилевиче. Что ж, хорошо, что в мое отсутствие он продолжает выполнять свою работу. Тогда попросим его немного отвлечься и выручить меня еще разок.

– Областной музей краеведения. Служебные помещения, – уточнил я. Теперь надо было добраться до первой попавшейся двери с надписью или номером. Но коридор был длинным, и мобильник продолжал пожирать мои деньги. Хорошо, что Приятель был терпелив и не бросал трубку.

Наконец, я добрался до двери, из-за которой шел характерный запах хлора, и сообщил об этом своему железному собеседнику.

– Фу-у, – притворно «поморщился» Приятель. – Скорее уходи отсюда прямо по коридору и вверх по лестнице. Затем открой фанерную дверь...

– Дальше... Ой, здесь темно!

– Через полметра – выключатель. В конце коридора – прямо по курсу кабинет директора.

– Спасибо! – я отключился.

Пройдя по длинному, я приблизился к искомой двери.

Тук-тук-тук! Я толкнул дверь, но она не поддавалась. Еще раз постучав, а после взглянув на часы, я понял, что снова пришел не вовремя: обед. Видимо, Асмодей Петрович предпочитает домашнюю кухню, поэтому с часа до двух обитает дома, кстати, совсем близко отсюда.

Ох, надоела мне вся эта погоня. Сесть бы спокойно в кабинете или в квартире, да спокойно узнать все, что мне нужно. А еще лучше – запустить программу, которая сама обыщет все базы данных, электронные органайзеры и другие файлы и соберет полезную информацию. Так нет, каждого свидетеля еще приходится искать, причем, не всегда успешно. И даже Приятель часто оказывается здесь бессилён помочь.

* * *

Нет, мне положительно не везет сегодня. С трудом найдя среди череды дворов нужный дом, я наткнулся на непреодолимое препятствие в виде кодового замка. Как назло, никто не входил в подъезд, и никто не выходил наружу. Домашний телефон Буханцева не отвечал, и я подумал, что меня вновь развели. Обед давно закончился, а искомый кандидат в со-

беседники все не выходил из дома.

«Черт возьми, неужели его кто-то предупредил», – подумал я.

– "Подозреваемые все время выскользают у меня прямо из-под пальцев. Самое страшное, если все же какой-то гений проник в Приятеля и обо всех моих шагах заранее узнает именно оттуда.

Тогда я буду просто связан по рукам и ногам. Придется все решать самостоятельно, а это, как не раз выяснялось, приводит отнюдь не к благоприятным последствиям".

Наконец, какая-то бабуля открыла дверь изнутри и я ужом проскользнул в подъезд. И снова напороля на запертую дверь.

Продолжительные звонки ничего не дали. Однако как только я развернулся и пошел к лестнице, открылась дверь в соседнюю квартиру, и из нее высунулась совершенно пропитая морда соседа.

– Эй, ты не Петровича ищешь, а? – низким хриплым голосом спросила морда.

– Да, его, – смущенно пробормотал я, втайне надеясь, что новое, хоть и не особенно приятное знакомство поможет мне.

– Его нет дома?

– Нет, он опять в енту, свою, экспедицию умотал. Да, прямо с утра и уехал. Сказал, через два дня, мол, буду, – сказала неприятная физиономия. – Слушай, дай на бутылку, а?

Трубы горят.

Я тотчас смекнул, что на этом можно выиграть, и воспользовался моментом. Я вынул из портмоне полтинник и подошел к двери соседа. Тот уже тянул руку за банкнотой.

– Э-э, погоди, так не годится. У меня к тебе разговорчик есть, небольшой такой, – я покачал головой. На роже тотчас нарисовалось явное недоумение. Я испугался, что ее обладатель сейчас закроет дверь, поэтому поспешил вновь подманить его:

– А если разговор сложится, то я подарю тебе еще... червонец, – предложил я. – Я недолго. Минут десять всего, а потом пойдешь свои трубы заливать.

– Не-а, дай сейчас.

Я понимал, что это ни к чему не приведет. Врезав стаканчик, сосед даже не взглянет на мой полтинник, а просто отправится спать. Поэтому я настоял на своем. И вынудил-таки алкаша открыть дверь:

– Хорошо. Проходи, добрая душа, даже если ты мент. В наше время редко встретишь щедрого мента, – пробурчал он и защелкнул замок. – Можешь не разуваться.

Честно говоря, я ожидал увидеть более живописную, типичную для жилища пропойцы картину: батареи мутных пустых бутылок, объедки на полу и столе, следы грязных ботинок и, может быть, даже парочку собутыльников. Однако признаков запущенности в квартире было не так много. Кроме слоя пыли на подоконнике и горы грязной посуды (мы

прошли на кухню) ничего особенного я не заметил.

– Представляюсь. Меня зовут Валера, – скрывать было особенно нечего, раз алкаш уже заподозрил во мне мента. – Я задам несколько вопросов о Буханцеве, а ты постарайся на все ответить.

– Ладно, – неуверенно согласился сосед и протянул руку. – Боря.

Вряд ли Асмодей Петрович, будь он истинным исполнителем или заказчиком преступления в квартире Кузнецова, стал бы хранить награбленное у себя дома. Чаще всего добычу прячут рядом в довольно надежном месте, поэтому я собирался как-нибудь выяснить, не является ли этим самым местом квартира Бори.

– Слушай, Боря, ты как с соседом своим: ладишь? – я специально начал издалека.

– А то! Петрович – мужик классный. Да и выпить не дурак.

Частенько угощает меня, – закивал Боря. – Бывает, денег нет, так он возьмет меня с собой черепки откапывать. Я горшки мою, скребки там разные. Он мне за это денежку даст.

– Да ну, – удивился я. – Добрый, значит. А не попадались ли вам какие-нибудь монеты, украшения?

– Да все бывало: даже награды какие-то. Кажется, наполеоновские. Да, точно. Неделию назад нашел здоровенную звезду. Петрович так обрадовался!

– И что он с ней сделал? – продолжал копать я.

– Да что? Себе забрал, он же коллекционирует такие штуки.

Дома у него их – завались! Я сам видел.

Ого! Кажется тепло. Я решил доигрывать до конца. Немного поразмыслив, я достал из барсетки две фотки, на которых были изображены ордена из коллекции Кузнецова.

– Слушай, Боря, а ты случайно не помнишь: такие были?

Сосед Буханцева нацепил очки, лежавшие тут же на столе, затем взял карточки в руки и внимательно присмотрелся. Что ж, я не любитель играть на чужих слабостях и бедах, но в этот раз подобный метод напрашивался сам собой. Если ордена лежат у Бори, он не сможет выдержать серьезной цены и постарается загнать мне экземпляр-другой.

– Видишь ли, я тоже коллекционер и хотел бы купить такие штуки. А хозяина дома нет. Может, у него и нет таких, так что я, дабы попусту не тратить время, тебя решил спросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.